

Глагол *бросать*: лексическая семантика и аспектуальные свойства*

**Владимир Александрович
Плунгян**

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия;
Московский государственный универ-
ситет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

**Анастасия Дмитриевна
Подгорная**

Институт языкознания РАН,
Москва, Россия;
Московский государственный универ-
ситет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

The Verb *brosat'* 'throw': Lexical Semantics and Aspectual Properties

Vladimir A. Plungian

Vinogradov Russian Language
Institute of the Russian Academy of
Sciences,
Moscow, Russia;
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Anastasia D. Podgornaia

Institute of Linguistics of the Russian
Academy of Sciences,
Moscow, Russia;
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00260 (<https://rscf.ru/project/23-18-00260/>). Авторы благодарят Р. Петровскую, Д. А. Рыжову и О. А. Остапчук за помощь с интерпретацией чешских, сербских, украинских и польских данных и анонимного рецензента за важные уточнения.

Цитирование: Плунгян В. А., Подгорная А. Д. Глагол *бросать*: лексическая семантика и аспектуальные свойства // *Slověne*. 2026. Т. 15, № 1. С. 227–252.

Citation: Plungian V. A., Podgornaia A. D. (2026) The Verb *brosat'* 'throw': Lexical Semantics and Aspectual Properties. *Slověne*, Vol. 15, № 1, p. 227–252.

DOI: 10.31168/2305-6754.2026.1.09

Резюме

В статье анализируются (на корпусном материале) лексические и грамматические особенности русского глагола *бросать* и его перфективного коррелята *бросить* с учетом данных других славянских языков. В русском языке эта пара глаголов представляет один из немногих примеров так называемой двухосновной перфективации, при которой префиксальные перфективные корреляты могут образовываться от разных основ в зависимости от значения префиксального производного: ср. однократные *набросить* или *забросить* vs. многократные (предполагают множественность бросков за счет множественности объекта) *набросать* или *забросать*. Этимология корня *брос-* остается непроясненной. Одна из трактовок связывает ее исходное значение с известным по диалектам *бросать лен* 'обрабатывать лен, отбивая головки'. В литературном языке глагол *бросать* фиксируется относительно поздно: он становится частотным с XVII в., быстро приобретая функцию доминантного элемента поля бросания и разветвленную полисемию, основанную на различных метафорах физического движения (в том числе компонентов избавления от объекта и перемещения объекта в другое место). В других славянских языках также выделяются разнообразные доминантные глаголы бросания (белор. *kídaць*, польск. *rzucać*, чешск. *házet*, серб. *bacati*, болг. *хвърлям* и др.), но все они этимологически не родственны *бросать*. Доминантность и разнородность когнатов в этом семантическом поле оказывается вообще характерна для славянских языков, что связано с тенденцией к быстрому обновлению глаголов бросания за счет лексем смежных семантических зон, в первую очередь 'ударить' и 'попасть'.

Ключевые слова

глаголы бросания, перфективация, русский язык, семантический переход, славянские языки

Abstract

The article analyzes lexical and grammatical features of the verb *brosat* 'throw' and its perfective counterpart *brosit* in comparison with other Slavic languages, drawing on corpus data. In Russian, this pair of verbs exemplifies "two-stem" perfectivation pattern, whereby prefixal perfectives derive from different stems depending on the meaning of the prefixal element: cf. *nabrosit/zabrosit* (a single event) vs. *nabrosat/zabrosat* (a repeated action affecting multiple objects). The etymology of the stem *bros-* remains unclear, with one hypothesis tracing it back to the dialectal phrase *brosat' lěn* 'ripple flax'. The verb *brosat* enters literary Russian relatively late, becoming frequent only from the 17th century. It quickly rose to acquire the function of a dominant verb for the domain of throwing and developed a wide polysemy network through metaphorization of the physical action (including such semantic components as 'the object is no longer in contact with the thrower' and 'the object changes its location'). Other Slavic languages also have their own dominant verbs (Belarusian *kidać*, Polish *rzucać*, Czech *házet*, Serbian *bacati*, Bulgarian *hвърлям*, etc.), none cognate with *brosat*. The existence of a basic lexeme and diversity of verbs of throwing proves to be typical of Slavic and stems from the regular lexicalization of verbs of throwing from adjacent lexical domains, particularly 'striking' and 'hitting (the target)'.

Keywords

perfectivation, Russian language, semantic shift, Slavic languages, verbs of throwing

Введение

Центральным объектом данной статьи является русский глагол *бросать* (и его перфективный коррелят *бросить*). Особенности пары *бросать/бросить* выявляются в сравнении как с другими глаголами сходной семантики и аспектального поведения в русском языке, так и на фоне соответствующих глаголов других славянских языков. Обсуждая их, мы опираемся на данные как существующих словарей, так и подкорпусов Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ), включая параллельные¹. В разделе 1 мы обсудим особенности семантики *бросать*, в том числе и на фоне лексем бросания в других славянских языках, а в разделе 2 остановимся подробно на этимологических источниках базовых глаголов бросания.

1. Глагол *бросать* в русском языке

1.1. Аспектальные особенности

Пара *бросать* и *бросить* заслуживает внимания прежде всего в отношении аспектальных свойств, которые во многом являются необычными. Начнем с ее словообразовательно исходного элемента — глагола *бросить*. Будучи непроеизводным, этот глагол перфективный, что для русской глагольной системы является редким: как известно, непроеизводные глаголы («симплексы») в русском и других славянских языках в основном имперфективны, но имеются немногие исключения. К ним как раз и относится *бросить*, который входит в один ряд с другими немногочисленными бесприставочными перфективами тематического *и*-спряжения: *решить*, *купить*, *ступить*, *хватить*, *простить*, *кончить*, *лишить* и некоторые другие (часть из них в истории русского языка были двувидовыми, как, например, *кончить* [ср. Авилова 1964]; глаголы той же морфологической структуры *ранить*, *женить*, *крестить* остаются двувидовыми и в современном языке). Но не менее необычна и пара *бросить/бросать*, которая является ярким примером такого редкого явления в морфологии русского видообразования, как «двухосновная перфективация» (термин из [Плунгян 2015]; см. об этом явлении также [Svenonius 2004; Feldstein 2005; Летучий 2020]), при которой приставочные перфективы могут

¹ По состоянию на март 2025 г. их объем составлял (в миллионах словоупотреблений): белорусский — 10, болгарский — 5,2, польский — 6,4, сербский — 1,9, словенский — 2, украинский — 9,4, чешский — 4,4.

образовываться от двух разных глагольных основ, в основном в зависимости от семантики перфективирующего префикса. Как известно, в стандартной ситуации все перфективирующие префиксы присоединяются к единой основе непроизводного глагола-симплекса, которая не имеет морфологических вариантов, ср., например, *лить* > *вылить*, *перелить*, *разлить*, *залить* и т. п. Есть, однако, очень небольшое количество глаголов (менее 10), у которых перфективные производные возможны от разных основ; характерным примером являются такие ряды приставочных перфективов, как *выстрелить*, *застрелить* vs. *расстрелять*, *настрелять* или *откусить*, *перекусить* (*пополам*) vs. *искусать*, *перекусать* (*всех*), *закусать* (*до смерти*) и т. п. Легко видеть, что *бросать* относится к этому же типу, ср. *выбросить*, *отбросить*, *забросить* (*далеко*), *набросить* (*платок на плечи*) vs. *разбросать*, *набросать* (*вещи в угол*), *забросать* (*камнями*) и т. п. Важное отличие *бросать* состоит в том, что обе его основы могут свободно функционировать в современном языке как самостоятельные симплексы, тогда как в большинстве других случаев двухосновной перфективации по крайней мере одна из основ является в современном языке либо связанной, т. е. не употребляется без префиксов (как *=стрелить*, *=ронить*, *=кусить*, *=глотить*, *=менить*), либо малоупотребительной (как *ломить*).

Выбор основы при префиксации регулируется различными факторами [см. Плунгян 2015: 214–215; Летучий 2020: 56–57]. Для рассматриваемой группы релевантны следующие тенденции (хотя они не носят абсолютного характера): приставки, выражающие делимитативность или многократные значения (в том числе дистрибутивные), сочетаются с основами несовершенного вида (далее — НСВ); в остальных случаях обычно выбирается основа совершенного вида (далее — СВ). Если одна приставка сочетается с разными основами, дериват НСВ обозначает внутрисобытийную множественность (ситуация состоит из повторяющихся квантов, т. е. действий бросания, ломания и т. д.): ср. примеры выше, а также *разломить* (*пополам*) vs. *разломать* (*на мелкие части*), *захватить* (*в плен*) — *захватать* (*грязными руками*), *решить* (*задачу*) — *прорешать* (*все задачи*) и др., хотя можно указать и такие пары, как *сломить* и *сломать*, где выбор основы не связан с глагольной множественностью и является полностью идиоматичным.

Однако выбор основы при перфективации в паре *бросать/бросить* полностью соответствует основному правилу. Покажем это на корпусном материале. Данные о количестве употреблений приставочных глаголов от обеих основ в основном корпусе НКРЯ приведены в таблице ниже².

² Поиск производился по лемме. Ошибки разбора (к примеру, форма *сброшу* помечена как возможная форма *сбросать*) были исключены при просмотре 1-грамм.

Таблица 1

Приставочные дериваты СВ с корнем *брос-* в НКРЯ

Приставка	Глагол СВ от СВ	Кол-во	Глагол СВ от НСВ	Кол-во
в-	вбросить	171	вбросать	0
вз-	взбросить	94	взбросать	0
вы-	выбросить	10 708	выбросать	9
до-	добросить	67	добросать	1
за-	забросить	5886	забросать	770
на-	набросить	1658	набросать	2232
о-	обросить ³	18	обросать	0
от-	отбросить	7118	отбросать	3
пере-	перебросить	1835	перебросать	23
по-	побросить	0	побросать	1199
под-	подбросить	2551	подбросать	0
при-	прибросить	2	прибросать	1
про-	пробросить	26	пробросать	2
раз-	разбросить	34	разбросать	5853
с-	сбросить	10 374	сбросать	23

Дериваты *бросать* обладают в современном русском меньшей продуктивностью, чем дериваты *бросить*. Употребительны глаголы *побросать* (вещи в чемодан) с делимитативной или дистрибутивной приставкой *по-* (при невозможности **побросить*) и *разбросать* (по полу бумаги), где *раз-*, обозначая движение в разные стороны, чаще всего также предполагает дистрибутивную интерпретацию — множественность действий с разными объектами: при более редкой ситуации одновременно-го движения в разные стороны нескольких объектов (*разбросить руки*) или экспансии одного протяженного объекта (*разбросить сеть, шубу*) возможна и основа СВ, хотя в современном языке такие употребления воспринимаются как несколько архаичные. Большое количество вхождений глагола *набросать* определяется частотностью его непространственного производного значения ‘излагать, изображать, описывать и т. п. бегло, в общих чертах, в предварительной форме’ [БАС, 11: 37], в основе своей также выражающего действие, состоящее из множества квантов, ср. *набросать (портрет несколькими штрихами)*. Разводятся по значению также глаголы с приставкой *за-*: *забросать* (экран

³ Устаревшая лексема со значением ‘оставить кого-л./что-л.’, ср.: Горько ведь будет, когда **обросят** меня и никто не придет ни с добрым словом, ни с добрым делом!.. (П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга вторая; 1875–1881).

бутылками, докладчика вопросами) отличается от *забросить* (*мяч в ворота, учебу*) в том числе диатезой — в качестве прямого объекта при нем выражается конечная точка, а брошенный объект кодируется творительным падежом.

Среди других дериватов фиксируются *перебросать* (*мешки в грузовик*), где *пере-* маркирует как траекторию, так и исчерпанность объекта (дистрибутивная интерпретация), и редкое *сбросать*, см. (1), в меньшем количестве — *добросать* (*сено* в значении 'закончить бросать'), *отбросать* (*поклоны* в текстах XIX в. и современной стилизации), *прибросать* (в сочетании с *эскиз памятника = набросать*) и *пробросать* (*карточки в руках*). Непродуктивность дериватов глагола НСВ с приставками, вносящими пространственное значение, определяет то, что глаголы, образованные от *бросить*, предпочитают и при предполагаемой множественности бросков в рамках одной ситуации *подбросить* (*в печь поленья*), *сбросить* (*с крыши снег*), *выбросить* (*из мешков кирпичи*): пространственный компонент здесь доминирует.

- (1) **Сбросали** налимов в мешок, инструмент в баржу спрятали и бегом в гору, на яр (Виктор Астафьев. Последний поклон; 1968–1991).

Таким образом, производящей основой является прежде всего *бросить*, а семантическое противопоставление между приставочными дериватами от *бросать* и *бросить* основано на множественности квантов-бросков, в большинстве случаев являющейся следствием множественности объектов⁴. Похожую ситуацию мы находим и в других славянских языках (за исключением словенского, см. подраздел 2.3): базовые глаголы бросания представлены парой однокоренных бесприставочных глаголов, тогда как приставочные дериваты глагола НСВ применяются (в основном) для обозначения ситуаций с несколькими бросками. К примеру, в чешском такую пару составляют глаголы *hodit* СВ и *házet* НСВ (см. подраздел 2.5), образующие ряды производных: *nahodit*–*naházet*, *odhodit*–*odházet*, *vyhodit*–*vyházet* и др.; ср., например, в (2) *vyházíme* букв. 'выбросаем' при периферийности русск. *выбросать*.

- (2) чешский: **Vyházíme** písek z koše, a hned zas poletíme nahoru (Milan Korejs, 1967).

'Надо **выбросить** из корзины песок, и мы снова полетим вверх'
(Николай Носов. Приключения Незнайки и его друзей; 1953–1954).

⁴ Выражение внешнесобытийной множественности также доступно для дериватов *бросать*, притом итерации в данном случае подвергается множественная ситуация, ср.: *трижды разбросать удобрение, снова перебросать мешки в грузовик, несколько раз забросать камнями кого-либо, но несколько раз забросить*/**забросать мяч в корзину*.

1.2. Лексические особенности

Глагол *бросать* в русском языке относительно поздний, он стал употребительным в старорусский период (ср., например, с *кидати*, *метати*, встречающимися в древнерусских текстах) и имеет не вполне ясную этимологию. По одному вхождению *бросить* и *бросать* фиксируются в исторических подкорпусах НКРЯ в текстах XVI в.⁵, частотным *бросать* и его перфективный коррелят становятся с начала XVII в. В XVII–XVIII вв. они уже могут считаться основными глаголами в поле бросания и развивают широкую полисемию за пределами семантики физического движения. Подробное описание структуры значений можно найти, например, в [Левонтина 2014: 360–363]. Остановимся здесь на нескольких моментах.

Выделяемые значения производны от значения бросания, что подтверждает материал других славянских языков, типологических баз данных [CLICS; DatSemShift] и прозрачность семантических переходов, основанных на двух компонентах ситуации бросания: потери контакта с объектом или попадания объекта в конечную точку, см. [Кустова 2004: 152–168]. Значения второй группы реализуются, например, в сочетании с существительными ‘взгляд’ (*бросить взгляд на кого/что-л.*, ср. укр. *кинути погляд*, болг. *хвърля поглед*, серб. *baciti pogled*, словен. *vréči pogled*), ‘тень’ (3), ‘реплика’ и др.

- (3) украинский: *щоб кинути тінь на обличчя* (Микола Білорус; 2005)
 болгарский: *за да хвърли сянка върху лицето си* (Лиляна Минкова; 1989)
 сербский: *da bi na taj način bacio senku na lice* (Milan Čolić; 1985)
 словенский: *da bi tu metal senco na obraz* (Janez Gradišnik; 1971)
 {Как тот ни натягивал утиный козырек кепки на глаза,} ‘чтобы **бросить тень** на лицо...’
 (Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита; 1929–1940).

Значения *бросить*, основанные на потере контакта с объектом, характеризуются разной степенью отличия от ситуации бросания, от движения без замаха и (почти) без перемещения объекта, как в (4), до оставления определенного места, человека или физического объекта без его перемещения, например: *бросить дом, машину, гостей*. В области этих значений славянские языки демонстрируют различия — к примеру, в чешском и сербском в контекстах первого типа глаголы бросания маргинальны, ср. переводы в (4), в контекстах второго типа такие лексемы не употребляются [см. Рыжова 2024; Подгорная 2024].

⁵ Глагол *бросать* находится в представленной в старорусском корпусе Казанской истории (1564–1565), *бросить* — в Повести о Бове королевиче (вероятно, середина XVI в.); впрочем, по спискам, датируемым XVII в., что не исключает более позднего возникновения этих употреблений.

- (4) чешский: *Prodavačka položila nůž* (Jarmila Wagsteinová; 1946)
 сербский: *Prodavačica ostavi nož* (1948)
 'Продавщица **бросила** нож,' {которым резала ветчину, и, кивнув Павке головой, пошла через зал...} (Николай Островский. Как закалялась сталь (Ч. 1); 1930–1934).

Другим значением этой группы является прекращение деятельности, также демонстрирующее вариативность в кодировании в славянских языках, ср. русск. *бросить курить*, белор. *кінуць курыти*, укр. *кинути курыти*, польск. *rzucić palenie* и серб. *ostaviti duvan*, чешск. *přestat kouřit*. В русских говорах *бросить* обладает большей сочетаемостью, чем в литературном варианте, обозначая неволевые действия: *дошъ скоро бросить итьти* (Рогнединский р-н, Брянская обл.) [СБГ, 2: 13], *что-то у меня часы бросили ходить* (Чагодощенский р-н Вологодской обл.) [СРГК, 1: 119].

Таким образом, широкий набор значений *бросить* в современном языке возводится к прототипической ситуации бросания как физического движения и в целом основан на регулярных механизмах полисемии. Вопрос о происхождении самого этого прототипического значения гораздо более сложен, и этимологические исследования (на которые можно было бы опираться при решении этого вопроса) не дают однозначных результатов. Как кажется, все предлагаемые этимологии русского *бросать* достаточно спорны. У него нет когнатов среди глаголов с семантикой бросания в других славянских языках (при всей разнородности славянской лексики бросания) [Черных, 1: 113], ср. белор. *кідаць*, польск. *rzysać*, чешск. *házet*, серб. *baciti* и др., хотя многие из приведенных основ имеются и в русском, либо в качестве нецентральных элементов поля бросания (как *кидать*), либо в другом значении (как *годить*, но ср., впрочем, контексты типа *угодить мячом в голову*). Предлагаемые славянские когнаты для *бросать* немногочисленны и спорны, в словарях приводятся болг. *бръша* 'тереть', словен. *brsati* 'задевать'; рассматривается также сближение с рефлексам **brъkati* [см. Черных, 1: 112–113; ЭССЯ, 3: 55–56; Аникин, 4: 248–249].

По предположению П. Я. Черных [Черных, 1: 112–113] (в целом поддержанному и в [Аникин, 4: 249]), *бросать* — обобщившийся льноводческий термин, имевший значение 'отбрасывать, отрывая' на северо-западе Московской Руси. Словари фиксируют употребление *бросать* и однокоренных глаголов (а также существительных для обозначения соответствующих приспособлений: *бросалка*, *бросальница* и др.) для описания разных этапов обработки льна, см. [СРГК, 1: 118–119; АОС, 2: 133; НОС: 74 и др.]: отделения головок с семенами, при котором стебли протаскивают через зубья, и отделения кострицы, при котором стебли кладут

поперек двух досок и продвигают к себе, ударяя между досками доской-«языком» и тем самым разламывая стебли. Близкое семантике бросания значение проявляется в употреблении *бросить ягоды* ‘собрать’, *бросить белку* ‘снять шкурку’ [СООН: 6], *лист бросать* ‘собирать листья для корма скоту’ [СРГК, 1: 119; АОС, 2: 133]. В тех же значениях употребляются не известные в литературном языке *броснуть*, *бруснуть*, *броснить*, *бросновать* и др. [СРГК, 1: 120; АОС, 2: 136, 141; НОС: 75]. Колексификация значений ‘бросать’ и ‘рвать’ у когнатных лексем фиксируется, например, в случае русского *кидать* и сербского *kidati* (см. подраздел 2.2).

Для более надежных выводов об этимологии *бросать* необходима, однако, более глубокая типологическая разработка семантического поля бросания с анализом типичных моделей полисемии, источников и семантических дериватов. Этот вопрос на материале славянских языков рассмотрен в следующем разделе.

2. Базовые глаголы бросания в славянских языках

2.1. Типологические наблюдения о системах глаголов бросания

Под бросанием мы будем понимать ситуацию, которая состоит из нескольких фаз: вначале агент держит объект в руке, затем производит движение рукой, выпуская объект, который движется по воздуху, пока не достигнет конечной точки. Ряд закономерностей устройства систем глаголов со значением бросания изложен в [Ивтушок 2016]. Данная работа опирается на фреймовый подход к лексической типологии, предполагающий выделение на основе межъязыкового сравнения обобщенных ситуаций — фреймов, которые могут лексически обособляться в языках мира [Рахилина, Резникова 2013] (см. применение данного подхода в [Майсак, Рахилина 2007; Рахилина et al. 2020 и др.]). Фреймами в поле бросания являются ситуации, предполагающие бросание с силой (ср. *швырнуть что-л. в кого/что-л.*), вниз или вверх, с целью попасть в определенную конечную точку (ср. *метнуть, запустить чем-л. в кого/что-л.*) или избавиться от объекта. Во всех выделенных ситуациях, относящихся к полю бросания, в русском доступен глагол *бросать*, а также его перфективный коррелят *бросить* и их приставочные дериваты — за счет такого широкого употребления его можно назвать доминантным глаголом в терминах [Рахилина, Резникова 2013: 16], по сути гиперонимом для других глаголов поля, таких как *швырять*, *метать*.

В поле бросания в других славянских языках также выделяются пары доминантных глаголов⁶: *кидаць—кінуць* в белорусском, *кидати—*

⁶ В [Ивтушок 2016] тенденция к доминантности отмечена как типологическая черта организации поля бросания. В выборке автора из восьми языков, однако, явно преобладают языки, входящие в европейский ареал, — тогда как, например,

кинути в украинском, *rzucać—rzucić* в польском, *číškać—čísnýć* в верхнелужицком, *chytaś—chyśiś* в нижнелужицком, *hodit—házet* в чешском и *hodit—hádzať* в словацком, *baciti—bacati* в сербском и хорватском, *хвърля—хвърлям* в болгарском, *фрли—фрла* в македонском, *vreči* и *metati* в словенском. Несколько переводов с этими глаголами приведены в (5):

- (5) польский: **Rzuciwszy** plecak na kolana baby z bańką, Paweł nachylił się... (Wacław Rogowicz; 1954).
 чешский: Pavel **hodil** brašnu tetce na kolena, nahnul se z okna... (Jarmila Wagsteinová; 1946).
 сербский: **Bacivši** torbu na koljena žene koja je držala kantu, Pavle se nagne preko prozora... (1948).
 болгарский: **Хвърлил** чантата на коленете на стринката с гума. Павел се наведе... (Людмил Стоянов; 1944).
 словенский: Pavel **je vrgel** torbo tetki z ročko na kolena, se nagnil dol... (Vladimir Levstik; 1945).
 'Бросив сумку на колени тетки с бидоном, Павел нагнулся вниз...'
 (Николай Островский. Как закалялась сталь; 1930–1934).

Можно заметить, что указанные глаголы не родственны *бросать* и происходят из разных источников. Далее мы аргументируем их ядерность в поле бросания в современных славянских языках и по возможности проследим этимологически родственные им лексемы и повторяющиеся семантические переходы⁷.

2.2. *Кидать* и его когнаты

На статус доминантного в поле бросания в русском претендует еще один глагол — *кидать* (и, соответственно, *кинуть*). Данные лексемы в прямых употреблениях, по [Апресян 1995: 222, 224, 231], представляют один из редких примеров полной синонимии с совпадением как семантической, так и морфосинтаксической сочетаемости, а также развивают сходные переносные значения. Действительно, *бросать* и *кидать* и их видовые пары обладают сходными «портретами» в основном подкорпусе НКРЯ (об этой функции см. [Савчук et al. 2024: 27–31]), и их коэффициент близости, высчитываемый на основании дистрибуции, около 0.89. К примеру, обе пары употребительны с прямыми дополнениями

для тамильского [Смирнитская 2020] и удмуртского [Подгорная 2022] выделить такие лексемы не удастся. Для проверки типологической значимости отмеченной тенденции требуется исследование на более широком материале.

⁷ Мы опираемся на данные крупных литературных вариантов. Цельное описание устройства системы глаголов бросания в славянских языках выходит за рамки данной статьи, однако в некоторых случаях обсуждаются глаголы, употребляющиеся в отдельных фреймах.

камень, окурок, бомба, якорь, взгляд, тень, при них встречаются в роли косвенного дополнения лексемы *собака, пес* (например, *бросать/кидать собаке кость*), *камень* (при управлении *бросать/кидать камнем/каменьями куда-л.*) и предложные группы *на пол* и *в жар, в дрожь*. Существенно, однако, что *бросать* намного более частотен, чем *кидать*: *бросить* и *бросать* являются распространенными словами, мера частотности *ipm* (англ. *item per million*) для них составляет примерно 173 и 63 соответственно, в то время как *кинуть* и *кидать* скорее имеют низкую частотность (*c ipm* 17 и 11 соответственно).

Как показано выше, *бросать* в рассматриваемом значении является довольно поздней (2-я половина XVI – XVII в.) инновацией, притом собственно русской: в других восточнославянских на статус доминантных глаголов бросания претендуют только лексемы, этимологически родственные *кидать* — *кідаць* и *кінуць* в белорусском, *кидати* и *кинути* в украинском, ср. переводы из параллельных подкорпусов НКРЯ (6). По-видимому, за счет стремительной экспансии *бросать* в русском глагол *кидать* стал играть роль второго доминантного: по данным панхронического подкорпуса НКРЯ, он встречается в текстах начиная с середины XI в., и на протяжении последних трех веков его частотность стабильна, хотя и невелика.

- (6) белорусский: *Падняў хваёвую шышку пад плотам і кінуў яе, цэлячыся ў белую блузку* (1936–1954).

украинский: *Підняв соснову шишку, що лежала під парканом, кинув її, націлюючись у білу блузку* (Виктор Петровський; 1974).

‘Поднял лежащую у забора сосновую шишку, **бросил** ее, целясь в белую блузку’

(Николай Островский. Как закалялась сталь; 1930–1934).

В глаголе *кидать* представлена общеславянская основа **kydati* [ЭССЯ, 9: 252–254], рефлексy которой находятся в других славянских языках на периферии или вне поля бросания. В нескольких языках он закрепился в узком значении ‘убирать, вычищать что-л.’: чешском (*kydat hnoj* ‘выбрасывать навоз’ [SSJC]), словацком (*kydať hnoj, kydať z maštale* ‘вычищать хлев’ [ELSJ]), словенском (*kidati sneg s ceste* ‘расчищать дорогу от снега’, метонимически *kidati hlev* ‘чистить хлев’ [SSKJ]), сербском, хорватском, лужицких. Описываемые ситуации задают узкий набор возможных объектов и предполагают наличие инструмента (ср. *бросать снег лопатой*), а не движение руки, при этом присутствуют некоторые компоненты ситуации бросания, а именно фаза перемещения объекта из исходной точки в конечную без контроля со стороны агенса. В лужицких языках в.-луж. *kidaś* и н.-луж. *kidaś* ‘сыпать, лить’ [NHS; NDS] демон-

стрируют узкую сочетаемость с недискретными объектами — сыпучими веществами и жидкостями. Интересен переход, демонстрируемый сербскими и хорватскими рефлексам *kidati* (*kidnuti*), которые развили значение 'рвать' [Skok, 2: 77], ср. для сербского *kidajući latice cveta* 'обрывая у цветка лепестки', *oni kidaju ulare* 'они рвут уздечки' [НКРЯ]. Подобные ситуации часто предполагают, что агенс, отделив часть от объекта, выпускает ее из рук, отбрасывает в сторону, однако, как показывают примеры вроде (7), употребление *kidati* не ограничено такими контекстами, что свидетельствует о переходе глагола в поле каузации разрушения⁸.

- (7) сербский: *Zadihana, Margarita je **kidala** i gnječila čekićem žice*
(Milan Čolić; 1985).

'Тяжело дыша, Маргарита **рвала** и мяла молотком струны'
(Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита; 1929–1940).

Таким образом, рефлекс основы **kydati* имеют ядерный или близкий к нему статус в поле бросания в восточнославянских языках, в то время как во многих западно- и южнославянских они характеризуются узкой семантикой или вышли из употребления, как в польском, где *kinąć* фиксируется только в исторических словарях [SSP, 3: 279; SP XVI].

2.3. Общеславянские основы **vьrgti*/**vьrgati* и **metati*

Лексической архаичностью в рассматриваемом поле отличается словенский язык, сохраняющий в качестве доминантного рефлекс праславянского **vьrgti* [Аникин, 6: 269]. Имперфективной парой для глагола *vreči* в контекстах, описывающих многократные действия, служит другая общеславянская основа со значением бросания — *metati* (**metati* [ЭССЯ, 18: 112–115]), ср. (5) и (8):

- (8) словенский: *Na pragu vidiva, da fantje **mečejo** kamne v grmovje*
(Jelka Ciglencečki; 2010).

'По дороге мы видим, как мальчишки **бросают** в кусты камни'
(Михаил Шишкин*. Венерин волос; 2004).

⁸ Еще одно значение — 'убегать, удирать' — у *kidati*, см. (i), считается возникшим как арготизм под влиянием романи: в [Uhlík 1954: 20] в качестве источника приводится глагол *kidav* (форма 1 л. наст. вр.) 'я беру, я убегаю' (цит. по [Fałowski 2013: 102]), в [Sonnemann 2022: 205] указано сочетание *kidel drom* 'уходить, отправляться в путь', букв. «берет дорогу» с формой 3 л. наст. вр. того же глагола [по Boretzky, Igla 1994: 142].

сербский: *Ako mislite da nije tako, iz ovih stopa **kidajte** natrag, na obalu*
(Nikola Nikolić, 1969).

'Если вы думаете, что это не так, то скорее бегите назад, на берег'
(Илья Ильф, Евгений Петров. Двенадцать стульев; 1927).

* М. В. Шишкин признан Минюстом РФ иностранным агентом на территории Российской Федерации.

В SSKJ для двух глаголов даются почти идентичные толкования и пары примеров, демонстрирующие их употребление в широком круге контекстов — как прицельного бросания, так и легкого движения и избавления от объекта: *vreči/metati žogo visoko v zrak* ‘бросить/бросать мяч высоко в воздух’, *vreči poleno / metati polena na ogenj* ‘бросить полена / бросать полена в огонь’, *vreči kovanec v avtomat* ‘бросить монетку в [торговый] автомат’ / *metati denar v hranilnik* ‘бросать деньги в копилку’, *vojaki so vrgli orožje iz rok* ‘солдаты бросили оружие из рук’ / *vojaki so začeli metati orožje iz rok* ‘солдаты начали бросать оружие из рук’ и др.

В других славянских языках данные основы либо занимают более периферийное положение, либо не принадлежат полю бросания. Глагол *метать* (*метнуть*) в русском языке толкуется в словарях через доминантные ‘бросать, кидать’ [БАС, 10: 119], однако покрывает более ограниченное множество ситуаций, связанных с прицельным бросанием (в мишень, например: *метать дротики в мишень, снежки друг в друга*, или в заданном направлении *метнуть копьё как можно дальше*), на что указывает в том числе переинтерпретация сочетаний *метать полена в огонь, монетки в копилку* как обозначающих действие с целью попасть в конечную точку⁹. Глагол *метати* (*метнути*) в украинском языке демонстрирует ту же специализацию, что и когнатный русский глагол, ср. толкование ‘резко, быстро бросать, как правило, в цель или на расстояние’ [ТСУМ: 516]. Те же контексты свойственны польской основе — *miotąć (miotnąć)* [SJP]: *w pełnym pędzie miotnęła oszczepem* ‘на полном ходу бросила копьё’ [НКРЯ]. В чешском *metat (metnout)* признается книжным и устаревшим [SSJČ]. В сербском языке глагол *metati (metnuti)* употребителен в значении ‘класть, ставить’ [PCJ: 689; Skok, 2: 410–414]: *je metnuo preda se debeli rukopis* ‘положил перед собой толстую рукопись’ [НКРЯ], предполагающем переход данного глагола в поле контролируемого перемещения¹⁰, а также ‘надевать’, например: *je metnuo prsten na srednji prst* ‘надел перстень на средний палец’ [НКРЯ], ср. сходные контексты с глаголами бросания в других славянских языках: русск. *накинуть куртку*, чешск. *hodit na sebe šaty* ‘быстро одеться (букв. «бросить на себя одежду»)» [SSJČ].

Корень **vrg-* в современном русском языке сохранился только в связанном виде в приставочных глаголах, не обозначающих ситуацию бросания: *ввергнуть в отчаяние, подвергнуть наказанию* и др. Глаголы

⁹ Употребление особых лексем во фрейме «бросание в цель» отмечено и в других языках, в том числе чешск. *trefovat (se)* (см. подраздел 2.5), фр. *lancer, bombarder* [Ивтушок 2016: 75].

¹⁰ Известным примером семантического сдвига ‘бросить’ > ‘положить’ является латинский глагол *mittere* ‘бросить’, когнаты которого в романских языках имеют значение ‘положить’: например, итал. *mettere*, фр. *mettre* [см. Adams 1974].

вергнути, вреши/вреди 'бросить, кинуть' и *вергати* 'бросать, кидать' [СлРЯ XI–XVII, 2: 83; 3: 111] находятся в текстах панхронического подкорпуса НКРЯ до XVI в.¹¹ В [СлРЯ XVIII] они уже не фиксируются, но для их приставочных дериватов еще указываются прямые значения: например, *отвергнуть* 'отбросить в сторону, прочь', *подвергнуть* 'подкинуть, подбросить'. Современные словари приводят для них только переносные употребления, ср. *отвергнуть* 'решительно отклонять, не принимать что-л.' [БАС, 14: 347].

Среди современных восточнославянских языков бесприставочный *вергати* (*вергнути*) фиксируется в словарях украинского, при этом в редких прямых употреблениях он имеет значение 'бросать что-л. с силой, швырять' [ТСУМ: 117]: *наче дровами вергав на всі боки* 'точно поленьями швырял во все стороны' [НКРЯ]. Однако для фрейма «бросание с силой» *вергати*, представленный двумя примерами в значении бросания в украинско-русском параллельном подкорпусе НКРЯ, далеко не централен, уступая таким глаголам, как *шпурляти—шпурнути* (36 и 64 вхождения) (9), *жбурляти—жбурнути* (28 и 54 вхождения), *швиргати—швиргоннути* (2 и 32 вхождения).

(9) украинский: Він **шпурнув** свій браунінг і вибив обидві шибки у вікні (Микола Білорус; 2005).

‘Он **швырнул** свой браунинг и выбил оба стекла в окне’
(Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита; 1929–1940).

Континуанты основы **vъrg-* описываются как синонимичные доминантным глаголам бросания в сербском *vrġnuti, vrġći* 'бацити; бросить' [PCJ: 160], чешском *vrhat (vrhnout)* '(prudce) házet; (быстро) бросать' [SSJČ], словацком *vrhať (vrhnúť)* 'prudko hádzat'; быстро бросать' [SSJ], нижнелужицком *wjergaś (wjergnuś)* [NDS] и верхнелужицком *wjerhać (wjerhnyć)* 'бросить' [NHS; ВЛРС: 347].

Однако все эти глаголы имеют периферийный статус. В сербском указанные лексемы можно признать устаревшими: они крайне редки и незнакомы носителям, в отличие от доминантных глаголов *bacit* и *bacat* (см. о них в подразделе 2.4).

В корпусе нижнелужицкого языка [DTK] *wjergaś* и *wjergnuś* представлены 156 и 6 вхождениями соответственно при 3048 примерах с доминантными *chyśiš* и 1873 с *chytaś*, которые встречаются, например, в контекстах: *su chyśili lasso a stśělali z pśužynu* 'бросали лассо и стреляли из лука', *chyśiš kus papjery do wognja* 'бросить кусок бумаги в огонь', *chyśijo swoju wukurjonu cigaretu pśec* 'бросает прочь выкуренную

¹¹ Эти глаголы могли сохраниться в диалектах: например, *вергати* 'бросать, кидать' отмечен в брянских говорах [СБГ, 2: 44].

сигарету'. Подобное соотношение фиксируется и для верхнелужицких глаголов: *ćisnyć* (280 вхождений) — *ćiskać* (86 вхождений) при *wjerhać* (7 вхождений) — *wjerhnyć* (1 вхождение) [НТК]. Лужицкие доминантные глаголы бросания имеют различные источники. Нижнелужицкий использует основу, в других славянских имеющую значение 'хватать', например чешск. *chytit*, или 'бросить', как в сербском *hititi*, *hitnuti* 'бросить' (*kao dva kamena hitnuta iz praćke* 'как два камня, брошенные из пращи' [НКРЯ]) [см. Фасмер, Трубачев, 4: 239; ЭССЯ, 8: 161]. Верхнелужицкие глаголы находят инославянские соответствия в лексемах со значением 'жать, давить', чешск. *tisknout*, польск. *ciskać*, русск. *тискать*, *стиснуть* и др. [Фасмер, Трубачев, 4: 62; Boryś 2005: 84]. В польском *ciskać*—*cisnąć* также употребляются с XV в. как глаголы бросания, маркируя фрейм «бросание с силой»:

- (10) польский: *Korowiow cisnął historię choroby do kominka* (Irena Lewandowska, Witold Dąbrowski; 1969).

‘Коровьев **швырнул** историю болезни в камин’

(Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита; 1929–1940).

Закрепление **vъrg-* за пределами поля бросания свойственно польскому, где *wierzgać* (*wierzgnać*) сохраняется в единственном значении ‘лягать (например, о лошади)’ (т. е. ‘выбрасывать копыта назад’¹²) [SJP; Boryś 2005: 696]. В разнообразных ситуациях бросания в польском языке употребляются глаголы *rzucić* и *rzucać*, ср. соответствия из русско-польского подкорпуса НКРЯ: (11), *rzucił na żarzące się węgielki kilka szpilek sosnowych* ‘бросил на тлеющие угольки горстку сосновых иголок’, *rzucił im nóż pod nogi* ‘бросил им нож под ноги’. В качестве этимологически родственных им лексем указывается *врутити/врютити* ‘бросить’ [СлРЯ XI–XVII, 3: 112], а также *рутити/рютити се* ‘броситься’ [СлРЯ XI–XVII, 22: 261] и чешск. *řítit se* ‘срываться, мчаться’ [Фасмер, Трубачев, 1: 362; Boryś 2005: 536; Аникин, 9: 48–49].

- (11) польский: *Podniósł leżącą przy płocie sosnową szyszkę i rzucił ją mierząc w tę bluzkę* (Wacław Rogowicz; 1954).

‘Поднял лежащую у забора сосновую шишку, **бросил** ее, целясь в белую блузку’

(Николай Островский. Как закалялась сталь; 1930–1934).

Рефлексы **vъrg-* имеют менее маргинальный статус в чешском и словацком языках. Рассмотрим подробнее ситуацию в чешском. Глагол

¹² Использование глаголов бросания для описания движения части тела, чаще всего резкого, встречается в славянских языках, ср. чешск. *hodit rukou* ‘махнуть рукой’ [SSJČ], словен. *vreči roke kvišku* ‘выбросить руку вверх’ [SSKJ].

vrhnout закреплён в спортивной терминологии в значении ‘бросок без отведения руки за голову’, ср. название спорта *vrh koulí* ‘толкание ядра’ vs. *hod oštěpem* ‘метание копья’, однако за её пределами разница между глаголами плохо осознаётся носителями (о трудности их различения в том числе в спортивных контекстах см. заметку [Hausenblas 1950]), и *hodit* заменяет *vrhnout* во всех контекстах бросания (см. о нём в подразделе 2.5). Притом глаголы *vrhnout*—*vrhat*, как и их приставочные дериваты, более частотны, чем *hodit*—*házet*, в ряде переносных употреблений, например *vrhnout pohled* ‘бросить взгляд’, *vrhnout světlo/stín* ‘пролить свет, отбросить тень’ [Подгорная 2024: 159–160], а также в автокаузативном деривате *vrhnout se* ‘броситься куда-л.’: из 362 вхождений *vrhnout* в НКРЯ нам удалось найти только 5 контекстов, в которых *vrhnout* употребляется в прямом значении (для *vrhat* — 4 из 23), например (12).

(12) чешский: *Udělalí poslední pokus. Vrhli po něm laso...* (Alena Morávková; 1969).

‘Сделали ещё одну попытку добыть кота. Был брошен аркан...’
(Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита; 1929–1940).

Таким образом, два общеславянских корня **vrg-* и **met-* центральны в поле бросания в словенском языке. В других славянских, где они фиксируются, их употребление более ограничено: они закреплены за одним фреймом (русс. *метать* в фрейме «бросание в цель», укр. *вергати* в «бросание с силой»), в переносных значениях (дериваты с корнем *-верг-* в русском, в определенной степени *vrhnout/vrhat* в чешском) или перешли в другое поле (польск. *wierzgać* ‘лягать’).

2.4. Смежность с зоной удара

Среди диахронических источников глаголов бросания в славянских языках можно выделить несколько смежных зон, в первую очередь это зона резкого контакта, или удара.

Как глагол бросания с широкой сочетаемостью в сербском и хорватском языках употребляются *bacati*—*baciti*, см. примеры из русско-сербского параллельного корпуса НКРЯ: *deca su sa zemlje prstima podizala suve grančice, kamačke, prljavštinu i bacala ih na Jušku* ‘дети поднимали с земли сухие ветки, камешки, сор горстями и бросали в Юшку’, *digne stolicu i baci je daleko preko ograde broda* ‘приподнял стул и выбросил его далеко за борт’, *baci lopatu na zemlju* ‘бросил лопату на землю’¹³. Данный корень знаком другим славянским языкам и возводится к основе, обозначающей звук удара [Skok, 1: 84–85; Аникин, 2: 300], ср. русск. *бацнуть*

¹³ Подробнее о сербском *bacati* в сравнении с русским *бросать* см.: [Рыжова 2024].

‘с силой, шумом ударить, стукнуть’ [БАС, 1: 424], чешск. *bacit* ‘ударять’, например *já myslél, že tě pravačkou **bacíš*** ‘думал, что ты меня ударишь с правой’ [НКРЯ]. Отметим, что идеофоническое происхождение предполагается и для доминантных глаголов *хвърлям* (*хвърля*) в болгарском и *фрла* (*фрли*) в македонском [ЭССЯ, 8: 135], ср. для болгарского: *хвърлиха* *няколко копия подире ми* ‘несколько копий были брошены мне вслед’, *хвърлил* *на таблата голяма тежка кесия* ‘бросил на поднос большой увесистый кошелек’, *не хвърляйте* *угарки по пода* ‘окурки на пол не бросать’ [НКРЯ]. Как родственные им указываются чешский глагол *chrlít* ‘извергать, выбрасывать’ (*sopka **chrlí** lávu* ‘вулкан извергает лаву’ [SSJČ]) и польский *frygać* (*frygnąć*) ‘швырять’, сопоставляемый с *хвъргам* — болгарским диалектным вариантом *хвърлям* [Boryś 2005: 150], например *zbierał kamienie i **frygał** do ogrodów* ‘он подбирал камни и швырял их в сады’ [НКРЯ].

Колексификация значений ‘ударить’ и ‘бросить’, как в диахроническом, так и в синхроническом аспекте, в славянских языках свойственна глаголам, обозначающим бросание с силой. Так, к примеру, в русском значение ‘бросать’ указывается для целого ряда идеофонических глаголов, например *брякнуть*, *бухнуть*, *грохнуть*, *шваркнуть*, *шмякнуть* (13)–(14) в БТС.

(13) Она *шмякнула* о стол кружкой, вода плеснула через край (Борис Васильев. Не стреляйте в белых лебедей; 1973).

(14) — Братцы! — сорвал с кудрявой головы шапочку и *шмякнул* ее оземь (В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга первая; 1934–1939).

Похожая ситуация наблюдается, например, в сербском, где фиксируется глагол *tresnuti* ‘резко ударить, бросить кого/что-л.’ [PCJ: 1310], польском с *gruchnąć* ‘ударить или бросить что-л. с силой’ [SJP] и чешском, где есть *praštit*, *bacit* ‘ударить’, *švihnout* ‘хлестнуть’, которые также совмещают обозначение ситуации удара и бросания с силой, ср. *někdo mě **praštil** plochou dlaní do zad* ‘кто-то хлопнул меня [ладонью] по спине’, ***praštili** láhvi do visací lampy* ‘запустили бутылкой в [висячую] лампу’ [НКРЯ]. Кроме того, для глагола *mrštit* в чешском значение ‘швырнуть’ является основным, а ‘ударить’ — устаревшим [SSJČ; Machek 1957: 380]. Это свидетельствует о том, что глаголы из поля удара могут закрепляться в поле бросания¹⁴. Переход ‘ударить’ > ‘бросить’ определяется смежностью данных полей: удар объекта о поверхность представляет

¹⁴ В языках других семей такая колексификация зафиксирована в трех случаях в базе данных CLICS. Возможен, по-видимому, и переход от глагола бросания к глаголу удара, ср., например, *кидать* в значении ‘ударить’ (*я тебе кину по морды*) в новгородских русских говорах [СРНГ, 13: 199].

собой финальную фазу ситуации бросания (о метонимии, связанной со структурой ситуации, как факторе глагольной колексификации см. [Рахилина, Рыжова 2025]). Такая колексификация может в первую очередь задействовать фрейм «бросание с силой» за счет того, что данная ситуация скорее сопровождается характерным звуком удара и приводит к деформации объекта.

2.5. Смежность с зоной попадания

Другой случай представляют доминантные глаголы *hodit*–*házet* в чешском и *hodit*–*hádzať* в словацком, ср. примеры для чешского: ***hodili*** *Barankinovi na záda dvě šišky* 'бросили две шишки в спину Баранкину', ***hodí*** *první list do ohně* 'бросает в огонь первый лист', ***hodil*** *tobolku drožkáři* 'кинул извозчику кошелек', ***hodil*** *před sebe meč, až zařinčel* 'бросил перед собой жалобно звякнувший меч' [НКРЯ]. Значение 'бросить' у *hodit* в чешском развилось из 'попасть в кого-л. / в определенное место при бросании копья и т. д.', засвидетельствованного в древнечешских текстах [Machek 1957: 173; ESSČ]¹⁵.

Бликие значения фиксируются у этимологически родственных глаголов еще в нескольких случаях. В вологодских русских говорах у *годити* (на, во что-л.) указываются значения 'метить, целиться' и 'стрелять или бросать в цель' [СРНГ, 6: 269]. Похожее толкование дается для сербского *gađati* 'бросать что-л. в какую-л. цель, мишень; целиться и стрелять в мишень или какую-л. другую цель, мишень' [РСЈ: 171]. Тем самым оба глагола описывают недоспецифицированное по способу действие¹⁶ с целью попасть в определенную конечную точку, ср. примеры из параллельного подкорпуса НКРЯ (15)–(16). Для польского *godzić* указывается значение 'попасть чем-л. в кого-л.' [SJP], однако этот глагол, по-видимому, употребляется и в контекстах бросания в цель (*porzucił w nas **godzić** kamieniami* 'они начнут кидать в нас камнями' [НКРЯ]).

(15) сербский: *A Cigančad što su se ispela po granama **gađaju** ga iz potaje suhim šiškama.*

'Цыганята вскарабкались на деревья и швыряли в него оттуда шишками'

(И. Макаровская, Г. Языкова; 1957)

(Иво Андрич. Путь Алии Джерзелеза; 1920).

¹⁵ Глагол *hodit* представляет общеславянский корень **god-*, который во многих языках имеет значение 'годиться, подходить, соответствовать' [ЭССЯ, 6: 188–189], в том числе в чешском: *hodit se*, а также *hodný* 'хороший, послушный, достойный' [ЧРС, 1: 213–214].

¹⁶ Колексификация значений 'бросать' и 'стрелять' встречается во многих языках мира, как показывают данные CLICS, см.: <https://clics.clld.org/edges/1456-1172>.

(16) сербский: *Mного je puta pucao sa tih istih dvadeset drama olova, a svi oni koje je gađao i dan-danji zadravi i živi hleb jedu i sunce ih greje.*

‘Много раз он стрелял этими двадцатью драхмами свинца, а все, в кого он целился, и по сей день живы и здоровы, едят свой хлеб и греются на солнце’ (Н. Варапова; 1957)

(Иво Андрич. Рассказ о слоне визирия; 1947).

Отметим, что глаголы *godumi*, *gađati*, *godzić* НСВ. Глаголы СВ с этой основой в сербском являются приставочными дериватами: *pogoditi*, *zgoditi* ‘попасть’ [Skok, 1: 583; PCJ: 413, 929]. В русском употребляется глагол *угодить* в одном из значений, помеченном как разговорное, — ‘попасть куда-л., удариться обо что-л.’ (*угодить* камнем в стекло) [БТС]. Он находит соответствие в чешском *uhodit*, также имевшем значение ‘попасть’ [ESSČ] и употребляющемся преимущественно как глагол удара, например *uhodil pěstí do stolu* ‘ударил кулаком по столу’ [НКРЯ], ср. также польск. *ugodzić* ‘попасть чем-л. в кого-л. и ранить или убить’ [SJP].

Таким образом, в поле бросания, а точнее во фрейме «бросание в цель», употребляются глаголы НСВ, в то время как основы СВ обозначают попадание. Возможно, что именно глагол НСВ *házet* и в чешском первым начал использоваться в поле бросания, ср. др.-чешск. *házěti sě* ‘бросать, целясь в кого/что-л.’ [ESSČ], проложив путь для *hodit*. Переход ‘попасть’ > ‘бросить’, зафиксированный в истории чешского языка, предполагает стирание компонента контакта объекта с конечной точкой, рассматриваемой как цель, ср. *hodil, ale netrefil (se)* ‘бросил, но не попал’¹⁷, а затем, по-видимому, и прицельности броска, ср. естественность чешского глагола в ситуации *hodit novinami na stůl* ‘бросить газету на стол’ [SSJČ], где в общем случае стол не является мишенью, в которую агент целится.

Интересно, что выражение значения ‘попасть’ в чешском взяло на себя средневерхненемецкое заимствование — *treft (se)* [Machek 1957: 650] (ср. польск. *trafić*, серб. *strefiti*, *potrefiti* с тем же значением). Его пара НСВ *trefovat (se)* используется во фрейме «бросание в цель» (*trefovat se míčem do stromu* ‘бросать мячом в дерево’ [SSJČ]) и так же, как *godumi* и *gađati*, не специфицирует способ, обозначая в том числе стрельбу и удар.

2.6. Обобщение

Обзор позволил выделить несколько путей лексикализации и дальнейшего развития ядерных глаголов в поле бросания в славянских языках.

¹⁷ Например: *mladík, jenž hodil bombu, ale následníka trůnu netrefil* ‘молодой человек, который бросил бомбу, но не попал в наследника трона’ (<https://www.iliteratura.cz/clanek/34063-jergovic-miljenko-moric-alkalaj>).

По-видимому, характерной особенностью поля бросания является неустойчивость доминантного глагола. Даже в случае близкородственных языков такой статус может принадлежать некогнатным лексемам (русск. *бросать*, белорус. *кідаць*; н.-луж. *chytaś*, в.-луж. *ćiskać*), притом глаголы, этимологически родственные доминантным в одних языках, могут фиксироваться в других в одном фрейме в поле бросания (словен. *metati* и русск. *метать*, чешск. *házet* и серб. *gađati* 'бросать в цель'; в.-луж. *ćiskać* и польск. *ciskać* 'бросить с силой') или ему не принадлежать, выйдя из употребления или имея другое значение (серб. *kidati* 'рвать', польск. *wierzgać* 'лягать'). В этом отношении группа глаголов бросания отличается от некоторых других лексических групп глаголов, рассмотренных в рамках фреймового подхода, например: глаголы вращения в русском и польском языках представляют собой пары родственных лексем, которые имеют нетривиальные различия в употреблении [Рахилина, Прокофьева 2004]; много общих основ сохраняют глаголы со значением 'тянуть' и 'толкать' и смежных зон в славянских языках [Sherstyuk, Reznikova 2022], глаголы движения в воде в болгарском, македонском, сербском и хорватском языках восходят к одному праславянскому корню, тому же, что *плыть* и *плавать* в русском языке [Ганенков 2007]. Тем самым закрепление *бросать* и *бросить* в качестве доминантных в истории русского, сопровождаемое уходом из языка бесприставочных глаголов с корнем *-верг-* и меньшей употребительностью *метать* и *кидать* и их перфективных коррелятов, вписывается в общую тенденцию к обновлению данного поля.

Относительно источников доминантных глаголов мы отметили сохранение общеславянской основы с семантикой бросания (словен. *vreči*, *metati*; белор. *кінуць*, укр. *кидати*), переход глаголов из смежных зон, по крайней мере удара (серб., хорв. *baciti*), попадания (чешск. *hodit*, словац. *hodiť*), значения 'давить, жать' (в.-луж. *ciskać*). Ни один из отмеченных переходов, однако, не повторяет сценария, предполагаемого для русских доминантных глаголов.

Заключение

Бросать в русском языке — поздняя (устойчивые употребления с XVII в.) и изолированная единица в семантическом поле глаголов каузации движения, не имеющая общепринятой этимологии и находящая себе мало когнатов в других славянских языках. Она отличается яркой аномалией аспектуального поведения, свойственной ограниченному кругу глаголов в современном языке, — коррелятом СВ является бесприставочная единица *бросить*, при этом приставочная перфективация возможна от обоих элементов пары («двухосновная»). Выбор основы в целом

коррелирует с наличием/отсутствием семантики многократности. Такое соотношение, видимо, является архаичным и фиксируется во многих других славянских языках, где также выделяются доминантные глаголы бросания, имеющие широкое употребление и не родственные русским глаголам. Более подробное межславянское сравнение глаголов бросания в отношении аспектуального поведения, моделей полисемии и места недоминантных лексем в структуре поля является задачей будущих исследований.

Библиография

Источники

Аникин, 1–13–

Аникин А. Е., *Русский этимологический словарь*, 1–13–, Москва, 2007–2019– (<https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=anikin>).

БАС, 1–28–

Большой академический словарь русского языка, 1–28–, Москва, С.-Петербург, 2004–2024– (<https://iling.spb.ru/dictionaries/344>).

БТС

Большой толковый словарь русского языка, Кузнецов С. А., общ. ред., 2000 (<https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar>).

ВЛРС

Верхнелужицко-русский словарь, Трофимович К. К., сост., Михалек Ф., Фёлькель П., ред., Москва, Бауцен, 1974.

НКРЯ

Национальный корпус русского языка (<https://ruscorpora.ru>).

НОС

Новгородский областной словарь, Левичкин А. Н., Мызников С. А., изд. подгот., С.-Петербург, 2010.

РСЈ

Речник српскога језика, Николић М., ред., Нови Сад, 2011.

СБГ, 1–5–

Словарь брянских говоров, Козырев В. А., Чагишева В. И., науч. ред., 1–5–, Ленинград, 1976–1984–.

СООН

Словарь областного олонекского наречия, Куликовский Г., сост., С.-Петербург, 1898.

СРГК, 1–6

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей, Герд А. С., гл. ред., 1–, С.-Петербург, 1994–2005.

СРНГ, 1–52–

Словарь русских народных говоров, Ленинград, С.-Петербург, 1965–2019– (<https://iling.spb.ru/dictionaries/345>).

СлРЯ XI–XVII

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–30–, Москва, С.-Петербург, 1975–2015– (<https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii>).

СлРЯ XVIII

Словарь русского языка XVIII в., 1–23–, Ленинград, С.-Петербург, Москва, 1984–2024– (<https://iling.spb.ru/dictionaries/347>).

ТСУМ

Лумачний словник української мови, Калашник В. С., ред., Харків, 2005.

Фасмер, Трубачев, 1–4

Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, Трубачев О. Н., пер. с нем. и доп., изд. 2-е, 1–4, С.-Петербург, 1996.

Черных, 1–2

Черных П. Я., *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, 1–2, Москва, 1999.

ЧРС, 1–2

Чешско-русский словарь, Копецкий Л. В., Филипец Й., Лешка О., ред., 1–2, Москва, Прага, 1976.

ЭССЯ, 1–39–

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд, Трубачев О. Н., отв. ред., 1–39–, Москва, 1974–2014–.

Boryś, 2005

Boryś W., *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków, 2005.

ESSČ

Elektronický slovník staré češtiny, Praha, 2006– (<https://vokabular.ujc.cas.cz>).

CLICS

List J.-M., Rzymiski Ch., Tresoldi T., Greenhill S., Forkel R., *The Database of Cross-Linguistic Colexifications*, 2019– (<https://clics.clld.org>).

DatSemShift

Zalizniak A., Gruntov I., Durneva S., Kaprielova V., Kondratyeva V., Mikhailova T., Orlova M., Rousseau M., Rykov E., Smirnitskaya A., *The Database of Semantic Shifts in the languages of the world*, Moscow, 2000– (<https://datsemshift.ru>).

DTK

Dolnoserbski tekstowy korpus, Bautzen, 2019– (<https://dolnoserbski.de/korpus>).

ELSJ

Elektronický lexikón slovenského jazyka (= *Krátky slovník slovenského jazyka*, 1987), Kačala J., ved. red. (<http://www.slex.sk/>).

Machek, 1957

Machek V., *Etymologický slovník jazyka českého*, 2., oprav. a dop. vyd., Praha, 1957.

NDS

Nimsko-dolnoserbski słownik, Bautzen, 2001– (<https://dolnoserbski.de>).

NHS

Němsko-hornjoserbski słownik, Bautzen, 1989–1991 (<https://obersorbisch.de/dow>).

HTK

Hornjoserbski tekstowy korpus, Bautzen, 2019– (<https://obersorbisch.de/korpus>).

SJP

Słownik języka polskiego, Bralczyk J., red., Warszawa, 2005 (<https://sjp.pwn.pl/>).

Skok, 1–3

Skok P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, akad. Deanović M., Jónké L., ured., V. Putanec, surađivao u predradnjama i priredio za tisak, 1–3, Zagreb, 1971–1973.

SSJČ

Slovník spisovného jazyka českého, Havránek B., hl. red., 2. vyd., 1989 (<https://ssjc.ujc.cas.cz>).

SSKJ

Slovar slovenskega knjižnega jezika, 2 izd., 2014 (<https://fran.si>).

SSP, 1–11

Słownik staropolski, Wrocław, Kraków, Warszawa, 1953–2002 (<https://pjs.ijp.pan.pl/sstp.html>).

SP XVI

Słownik polszczyzny XVI wieku, Warszawa, 1966–1994 (<https://spxvi.edu.pl>).

Литература

Авилова 1964

Авилова Н. С., Образование видовой корреляции у глаголов, имеющих двувидовое значение, *Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века: Глагол, наречие, предлоги, союзы в русском литературном языке XIX века*, Виноградов В. В., Шведова Н. Ю., ред., Москва, 1964, 34–44.

Апресян 1995

Апресян Ю. Д., *Избранные труды. Том I: Лексическая семантика. Синонимические средства языка*, Москва, 1995.

Ганенков 2007

Ганенков Д. С., Глаголы перемещения в воде: южнославянские языки, *Глаголы движения в воде: лексическая типология*, Майсак Т. А., Рахилина Е. В., ред., Москва, 2007.

Ивтушок 2016

Ивтушок Е. И., К типологии глаголов со значением «бросать», *Проблемы лексико-семантической типологии: Сборник научных трудов*, 3, Кретов А. А., ред., Воронеж, 2016, 72–77.

Кустова 2004

Кустова Г. И., *Типы производных значений и механизмы языкового расширения*, Москва, 2016.

Левонтина 2014

Левонтина И. Б., Бросать, *Активный словарь русского языка. Т. 1: А–Б*, Апресян Ю. Д., отв. ред., Москва, 2014, 360–363.

Летучий 2020

Летучий А. Б., Проблема выбора вида основы при префиксации: некоторые соображения, *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*, 79/3, 2020, 49–62.

Майсак, Рахилина 2007

Майсак Т. А., Рахилина Е. В., ред., *Глаголы движения в воде: лексическая типология*, Москва, 2007.

Плунгян 2015

Плунгян В. А., Двухосновная перфективация в русском языке: морфология и семантика, *Аспектуальная семантическая зона: Типология систем и сценарии диахронического развития: Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов*, Китадзэ М., ред., Киото, 2015, 208–212.

Подгорная 2022

Подгорная А. Д., Лексемы со значением бросания в татышлинском удмуртском в свете типологии, *Малые языки в большой лингвистике*, 4, Хомченкова И. А., ред., Москва, 2022, 193–204.

——— 2024

Подгорная А. Д., Семантические переходы в близкородственных языках: глаголы бросания в русском и чешском, *Семантические переходы в языках мира. Материалы к*

- форуму 2024 года. 21–23 ноября 2024 г., Михайлова Т. А., отв. ред., Москва, 2024, 157–164.
- Рахилина, Прокофьева 2004
Рахилина Е. В., Прокофьева И. А., Родственные языки как объект лексической типологии: русские и польские глаголы вращения, *Вопросы языкознания*, 1, 2004, 60–78.
- Рахилина, Резникова 2013
Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Фреймовый подход к лексической типологии, *Вопросы языкознания*, 2, 2013, 3–31.
- Рахилина et al. 2020
Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Рыжова Д. А., ред., *Типология глаголов падения* (= *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, 16/1), 2020.
- Рахилина, Рыжова 2025
Рахилина Е. В., Рыжова Д. А., О принципах глагольной колексификации, *Вопросы языкознания*, 2, 2025, 7–25.
- Рыжова 2024
Рыжова Д. А., Типология и лексикография: русский глагол *бросить* и его сербский переводной эквивалент *бацити* на типологическом фоне, *Славяноведение*, 2, 2024, 92–104.
- Савчук et al. 2024
Савчук С. О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А. А., Донина О. В., Кузнецова Ю. Н., Ляшевская О. Н., Орехов Б. В., Подрядчикова М. В., Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития, *Вопросы языкознания*, 2, 2024, 7–34.
- Смирнитская 2020
Смирнитская А. А., Лексикализация семантических полей 'бросание' и 'падение' в тамильском языке, *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, 16/1, 2020, 859–897.
- Adams 1974
Adams J. N., On the Semantic Field 'Put-Throw' in Latin, *The Classical Quarterly*, 24/1, 1974, 142–160.
- Boretzky, Igla 1994
Boretzky N., Igla B., *Wörterbuch Romani-Deutsch-Englisch. Mit einer Grammatik der Dialektvarianten*, Wiesbaden, 1994.
- Fałowski 2013
Fałowski P., Words of Romani origin in the Czech and Croatian languages, *Studia Linguistica Universitatis Iagellonicae Cracoviensis*, 130, 2013, 95–115.
- Feldstein 2005
Feldstein R. F., On the aspectual derivation of "Dual Simplexes", *Восток–Запад: Вторая международная конференция по модели «Смысл ↔ Текст»*, Апресян Ю. Д., Иомдин Л. Л., ред., Москва, 2005, 122–131.
- Sherstyuk, Reznikova 2022
Sherstyuk A., Reznikova T., Semantic Continuity in a Cross-Linguistic Perspective: Evidence from Slavic Verbs of Pulling and Pushing, *Jezikoslovni Zapiski*, 28/1, 2022, 55–67.
- Svenonius 2004
Svenonius P., Slavic prefixes and morphology: An introduction, *Nordlyd*, 32/2, 2004, 177–204.
- Sonnemann 2022
Sonnemann A.-M., *Language Families in Contact: The Mutual Impact of Slavic and Romani*, Berlin, Boston, 2022.

Uhlik 1954

Uhlik R., Ciganizmi u šatrovačkom argou i u sličnim govorima, *Glasnik Zemaljskog muzeja u Sarajevu*, 9, 1954, 5–31.

References

- Adams J. N., On the Semantic Field 'Put-Throw' in Latin, *The Classical Quarterly*, 24/1, 1974, 142–160.
- Avilova N. S., Obrazovanie vidovoi korreliatsii u glagolov, imeiushchikh dvuvidovoe znachenie, *Ocherki po istoricheskoi grammatike russkogo literaturnogo iazyka XIX veka: Glagol, narechie, predlogi, soiuzy v russkom literaturnom iazyke XIX veka*, Vinogradov V. V., Shvedova N. Yu., eds., Moscow, 1964, 34–44.
- Apresyan Yu. D., *Izbrannye trudy. Tom I: Leksicheskaia semantika. Sinonimicheskie sredstva iazyka*, Moscow, 1995.
- Boretzky N., Iglä B., *Wörterbuch Romani-Deutsch-Englisch. Mit einer Grammatik der Dialektvarianten*, Wiesbaden, 1994.
- Falowski P., Words of Romani origin in the Czech and Croatian languages, *Studia Linguistica Universitatis Iagellonicae Cracoviensis*, 130, 2013, 95–115.
- Feldstein R. F., On the aspectual derivation of "Dual Simplexes", *Vostok–Zapad: Vtoraia mezhdunarodnaia konferentsiia po modeli «Smysl ↔ Tekst»*, Apresian Yu. D., Iomdin L. L., eds., Moskva, 2005, 122–131.
- Ganenkova D. S., Glagoly peremeshcheniia v vode: iuzhnoslavianskie iazyki, *Glagoly dvizheniia v vode: leksicheskaia tipologiia*, Maisak T. A., Rakhilina E. V., eds., Moscow, 2007.
- Ivtushok E. I., K tipologii glagolov so znacheniem 'brosat', *Problemy leksiko-semanticheskoi tipologii: Sbornik nauchnykh trudov*, Kretov A. A., red., Voronezh, 2016, 3, 72–77.
- Kustova G. I., *Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmy iazykovogo rasshireniia*, Moscow, 2016.
- Levontina I. B., Brosat', *Aktivnyi slovar' russkogo iazyka. T. 1: A–B*, Apresian Yu. D., ed., Moscow, 2014, 360–363.
- Letuchiy A. B., A Problem of Selecting a Verb Stem for Prefixation: Some Considerations, *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i iazyka*, 79/3, 2020, 49–62.
- Maisak T. A., Rakhilina E. V., eds., *Glagoly dvizheniia v vode: leksicheskaia tipologiia*, Moscow, 2007.
- Plungian V. A., Dvukhosnovnaia perfektiivatsiia v russkom iazyke: morfologiia i semantika, *Aspektual'naia semanticheskaia zona: Tipologiia sistem i stsenarii diakhronicheskogo razvitiia: Sbornik statei V Mezhdunarodnoi konferentsii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov*, Kitajo M., ed., Kyoto, 2015, 208–212.
- Podgornaia A. D., Leksemy so znacheniem brosanii v tatyshlinskom udmurtskom v svete tipologii, *Malye iazyki v bol'shoi lingvistike*, 4, Khomchenko I. A., ed., Moscow, 2022, 193–204.
- Podgornaia A. D., Semanticheskie perekhody v blizkorodstvennykh iazykakh: glagoly brosanii v russkom i cheshskom, *Semanticheskie perekhody v iazykakh mira. Materialy k forumu 2024 goda. 21–23 noiabria 2024 g.*, Mikhailova T. A., ed., Moscow, 2024, 157–164.
- Rakhilina E. V., Prokof'eva I. A., Lexical typology of cognate languages: Russian and Polish verbs of rotation, *Voprosy Jazykoznanija*, 1, 2004, 60–78.
- Rakhilina E. V., Reznikova T. I., Frame-based approach to lexical typology, *Voprosy Jazykoznanija*, 2, 2013, 3–31.
- Rakhilina E. V., Reznikova T. I., Ryzhova D. A., eds., *Tipologiia glagolov padeniia* (= Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistichekikh issledovanii, 16/1), 2020.
- Rakhilina E. V., Ryzhova D. A., The principles of verbal colexification, *Voprosy Jazykoznanija*, 2, 2025, 7–25.
- Ryzhova D. A., Tipologiia i leksikografiia: russkii glagol brosit' i ego serbskii perevodnoi ekvivalent batsiti na tipologicheskome fone, *Slavianovedenie*, 2, 2024, 92–104.
- Savchuk S. O., Arkhangel'sky T. A., Bonch-Osmolovskaya A. A., Donina O. V., Kuznetsova Yu. N., Lyashevskaya O. N., Orekhov B. V., Podryadchikova M. V., Russian National Corpus 2.0: New opportunities and development prospects, *Voprosy Jazykoznanija*, 2, 2024, 7–34.
- Sherstyuk A., Reznikova T., Semantic Continuity in a Cross-Linguistic Perspective: Evidence from Slavic Verbs of Pulling and Pushing, *Jezikoslovni Zapiski*, 28/1, 2022, 55–67.
- Smirnit'skaya A. A., The lexicalization of 'falling' and 'throwing' semantic fields in Tamil, *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistichekikh issledovanii*, 16/1, 2020, 859–897.
- Svenonius P., Slavic prefixes and morphology: An introduction, *Nordlyd*, 32/2, 2004, 177–204.
- Sonnemann A.-M., *Language Families in Contact: The Mutual Impact of Slavic and Romani*, Berlin, Boston, 2022.
- Uhlik R., Ciganizmi u šatrovačkom argou i u sličnim govorima, *Glasnik Zemaljskog muzeja u Sarajevu*, 9, 1954, 5–31.

Владимир Александрович Плунгян, доктор филологических наук,
профессор, академик РАН
главный научный сотрудник
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2;
профессор
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1,
МГУ имени М. В. Ломоносова,
1-й корпус гуманитарных факультетов
Россия / Russia
plungian@iling-ran.ru

Анастасия Дмитриевна Подгорная
младший научный сотрудник
Института языкознания РАН
125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1с1
Россия / Russia;
сотрудник по гранту
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1,
МГУ имени М. В. Ломоносова
1-й корпус гуманитарных факультетов
Россия / Russia
podganastas@gmail.com

Received August 18, 2025